

конкретного знания, сколько во все более глубоком осмыслении с позиций материалистической теории закономерностей развития и особенностей функционирования различных языков народов мира. Тогда и дефиниции как бы сами «станут на место», будут улучшаться и уточняться в процессе совершенствования наших знаний. На мой взгляд, это справедливо по отношению к любой науке — к лингвистике в такой же степени, как, например, и к физике (где, как известно, отнюдь не все поддается непрогноривочивым и «окончательным» дефинициям).

Возвращаясь к статьям моих оппонентов, хочу подчеркнуть, что их общую тенденцию я понял так: авторы этих статей призывают собирать «разумное» от представителей всех современных лингвистических теорий, сколь бы различными и даже противоположными они ни были. Я не хочу здесь напоминать, каким термином в науке называется подобная точка зрения. Разумеется, каждый из нас, что бы ни говорил обо мне В. В. Иванов, стремится учиться до конца своих дней. Это необходимо. Но отбирать «разумное» у различных теоретиков, нередко абсолютно исключая друг друга, следует тоже разумно. В противном случае может получиться то, что и получилось, в частности, с коллективной книгой «Общее языкознание», о чем недавно убедительно рассказал проф. В. И. Кодухов в своей обстоятельной рецензии на страницах журнала «Вопросы языкознания»¹⁸.

Языковед имеет дело и с общей теорией языка, и с конкретными языками народов мира. Поэтому лингвистика должна учить молодых и молодых ученых понимать и уметь анализировать языковые «конкретности». Только на их основе можно постулировать общую теорию, которая была бы действенной и эффективной, а не бумажной. К сожалению, бумажных теорий в лингвистике было создано за последние годы много, очень много.

Приведу здесь дополнительно еще один пример, но, увы, разительный. Мой добροжелательный оппонент Р. Р. Гельгардт, желая оправдать одного из ученых с его иронически-пренебрежительным отношением к филологии (филолог против филологии!), подчеркивает, что, возможно, данный ученый «...сейчас не подписался бы под этим своим выступлением семилетней давности» (3, 262). Но чего стоят научные убеждения, о которых как-то неудобно даже вспоминать уже через семь лет после их обнародования? Исследования В. Гумбольдта публиковались почти 150 лет назад, разыскания А. А. Потебни — 100 лет назад, работы А. А. Шахматова и Антуана Мейе — около или даже свыше 50 лет назад. Все они сохраняют свою свежесть, основательность, фундаментальность и в наши дни. Сам того не замечая, Р. Р. Гельгардт не сумел защитить непродуманные публикации.

Ученый не должен, больше того, он не имеет никакого права пренебрежительно относиться к «конкретностям» своей науки, своего объекта изучения. Сейчас об этом все чаще и чаще стали писать виднейшие исследователи разных стран, имеющие дело, как и лингвисты, с той или иной материей своей науки. Так, например, акад. Б. А. Арбузов, крупнейший специалист в области органической химии, совсем недавно подчеркивал: «В последнее время у молодых ученых наблюдается склонность все математически рассчитывать, обсчитывать на бумаге... Любовь к веществу в таких случаях пропадает. Я борюсь против этого. Химик должен любить и в е щ е с т в о, уметь с ним работать, а не видеть его только в виде формул»¹⁹. Эти полные глубокого смысла слова, на мой взгляд, целиком относятся и к языкознанию.

По словам видного современного французского физика, лауреата Нобелевской премии Луи де Бройля, один из великих физиков нашего столетия, Фредерик Жолио-Кюри, любил постоянно подчеркивать, что «ремесленный характер исследования» весьма благоприятно воздействует на

¹⁸ «Вопросы языкознания», 1973, № 4, стр. 124—134.

¹⁹ Арбузов Б. А. Твой ключ к жизни. — Комсомольская правда, 1973, 8 июля, стр. 4.